

Раньше, пока Цинь Хунлань была дома, Тан Цзин не мог принимать решения: хочет он того или нет, но его старшая дочь, будучи совсем юной, уже вышла замуж.

Теперь же Тан Цзин ни за что не позволил бы второй дочке повторить судьбу старшей.

Столкнувшись с позицией Тан Цзина, Цзоу Фэй ничуть не сердилась и с улыбкой произнесла: — Не стоит ворошить прошлое. Великий босс Ван Хэн предлагает восемьдесят серебряных. Упустишь шанс — потом и вовсе локти кусать будешь, да поздно станет.

— Да пошла ты!

Услышав имя Ван Хэна, Тан Цзин вскипел и сорвался на крик: — Вот сама и не упускай шанс, выдай за него свою дочь! Этот Ван Хэн — мужик за сорок, весом за двести цзиней, вы с вашей доченькой просто идеальная пара.

Ван Хэн промышлял забиванием свиней; сплошь свирепая физиономия и брюхо, набитое жиром. И хотя Тан Цзин считал себя человеком незаурядным, при виде этой физиономии его всё равно пробирал страх.

— Тц, я-то и сама не против, да только он мою дочь в грош не ставит! — на лице Цзоу Фэй отразилось глубокое сожаление. Её собственная дочка выглядела посредственно и от силы стоила тридцать серебряных, а уж о том, чтобы зариться на Ван Хэна, и речи не было — пожалуй, даже если доплатить сверху, ничего бы не вышло.

— Проваливай!

— Катись отсюда!

— Вон из моего дома!

— Чтобы духу твоего здесь больше не было!

Глядя на эту бесстыдную бабу, Тан Цзин собственными руками вытолкал её за дверь. До чего же бессовестная, ещё заразит чего доброго.

Цзоу Фэй не стала спорить. Она знала, что торопиться нельзя, и хотя Тан Цзин её выталкивал, лицо её по-прежнему озаряла улыбка.

За избиение человека положен штраф, за убийство — смертная капля, иначе Тан Цзин всерьёз подумывал бы о том, чтобы покончить с ней.

Младшие дочери ещё не выросли, так что распространяться Тан Цзин не стал, лишь решил про себя держать ухо востру и не подпускать эту проклятую бабу близко, чтобы та не вздумала охмурить его сокровищ.

Ранним утром следующего дня Тан Цзин взял обеих дочерей, продал зайцев с фазанами, выручил немного денег, купил соли с рисом и вернулся домой — на сегодня он решил устроить себе выходной.

Раньше у него были кое-какие задумки, но не хватало сил, теперь же, когда силы появились, он намерен всерьез взяться за планирование будущего.

Великий Цинь!

Это не империя, это клан!

Семья Цинь владела землями площадью в сто двенадцать тысяч квадратных километров с трехмиллионным населением.

Вся система управления в клане делилась на пять ступеней: вольные крестьяне, общинники, дворовые, усадебные и приближенные главы рода.

Тан Цзин как раз относился к вольным крестьянам. Ему запрещалось заниматься торговлей и перемещаться куда-либо, сфера его активности ограничивалась окрестностями, а самым дальним местом, куда разрешалось дойти, была базарная улица в Деревце Сяокай.

Жизнь держалась исключительно на земледелии и случайных подработках. Если проявить усердие, можно было подняться в горы на охоту или за сбором целебных трав — таковы были рамки для вольных крестьян. Стоило выйти за эти пределы, как следовало наказание: за провинности поменьше — штраф, за более серьезные — побои, а то и головы лишиться можно.

Разумеется, при наличии денег всё удавалось изменить, однако одно лишь получение статуса общинника стоило сто тысяч серебряных — астрономическая сумма, о которой многие могли только мечтать. Раньше и Тан Цзин позволял себе лишь помечтать об этом.

Отдохнув день, Тан Цзин с обеими дочерьми снова принялся за дело. Доходы от охоты оказались слишком низкими, и он решил заняться сбором трав.

В близлежащих горах водились дикий женишень, гастродия высокая, горец многоцветочный и прочие ценные коренья. Подобные вещи стоили баснословных денег, так что они естественно вошли в планы Тан Цзина.

Раньше он мог об этом лишь грезить, не смея и шагу ступить из страха перед волками. Теперь же, обретя силу, он не только двинулся в путь, но и прихватил с собой дочерей.

Действуя втроем, они действительно неплохо поживились: за пять дней насобирали трав больше чем на сотню серебряных.

Стоит заметить, что на обычной подработке люди зарабатывали один серебряный за десять дней, три серебряных в месяц, а за целый год едва набегало несколько десятков. Сотня серебряных — это заработок за несколько лет тяжелого труда.

Заполучив такие деньги, Тан Цзин в первую очередь занялся улучшением быта, а прочие дела решил отложить на потом.

В этот день в полдень снова пожаловала Цзоу Фэй, да еще и привела с собой Ван Хэна.

— Ого, а приданое-то за старшую дочку, часом, не растратили уже?

Цзоу Фэй расплылась в улыбке. Она понятия не имела об истинном положении дел в семье Тан Цзина, а заметив в доме рис и мясо, автоматически решила, будто это деньги, вырученные за выдачу Цинь Тянь замуж.

Тан Цзин всегда держался скромно, никому ничего не рассказывал, да к тому же все кругом были заняты лишь тем, как бы добыть кусок хлеба, и никто не следил за его семьей. Поэтому даже разбогатев, он оставался в тени.

— Брат Тан! — Ван Хэн продемонстрировал самую дружелюбную улыбку и восторженно заговорил: — Я искренне люблю Сяо Хун. Сейчас за невестку обычно дают от сорока до пятидесяти серебряных, но я готов выложить целую сотню, да вдобавок беру на себя все расходы на мясо для вашей семьи!

Глядя на этого противного Ван Хэна, Тан Цзин потерял дар речи. Заметив его молчание, Цинь Хун поспешно потянула отца за рукав и взмолилась: — Папа, не продавай меня! Я буду во всем слушаться, папа, клянусь, я исполню любое твое слово!

Теперь-то жизнь в доме наладилась, они вдоволь ели и носили хорошую одежду, так что Цинь Хун вовсе не улыбалось выходить замуж.

Тем более что Ван Хэн внушал ей суеверный ужас.

— Доченька, папа тебя не продаст, не бойся!

Тан Цзин похлопал дочь по плечу, ободряюще улыбнувшись, чтобы она успокоилась.

— Братец Тан, ну что за дикие слова — продаст! Мы же ведем речь о самом обычном сватовстве. Не сомневайся, я всё организую по высшему разряду, с полным блеском! — Ван

Хэн пропустил мимо ушей слова отца и дочери и принялся сыпать заверениями. Он был уверен, что перед лицом ста серебряных Тан Цзин просто ломается для вида, а в душе уже празднует победу.

— Хе-хе, — Тан Цзин лишь усмехнулся, не зная, как реагировать на такое.

Строго говоря, в подобных вещах не было ничего из ряда вон выходящего, и злого умысла у человека не наблюдалось. Множество вольных крестьян сами навязывали дочерей общинникам, и неважно, толстый тот или старый — мало кого это волновало. Когда в животе урчит от голода, разве приходится перебирать харчами?

Стоявшая рядом Цзоу Фэй покосилась на Тан Цзина, решив, что тот просто задирает цену, и раздраженно бросила: — Сто серебряных — это баснословные деньги! Если бы не смазливая мордашка твоей дочки, глядишь, даже приплати так называемому боссу Вану — и то не взял бы. Хватит уже ломаться, соглашайся скорее! Упустишь момент — глядишь, семья Ян перехватит инициативу. Уж их-то Ян Тин ничуть не хуже твоей девчонки!

— Моей дочери не видать такого счастья, так что оставьте это дело, — покачал головой Тан Цзин. Больше ему слушать не хотелось, и он собрался выставить незваных гостей вон.

Тут-то Ван Хэн наконец сообразил: Тан Цзин и впрямь не желает отдавать за него дочь. Поразмыслив, он решил не давить понапрасну и для начала удалиться, чтобы поискать другой подход.

Уж кого-кого, а Цинь Хун он желал всей душой — молоденькая, ладная, попробуй тут не захоти!

Впрочем, сотня серебряных и впрямь была запредельной суммой, но Цинь Хун стояла того. Была и еще одна причина: она носила фамилию Цинь!

В семье Цинь помимо сородичей жили и чужаки. Пусть Ван Хэн числился общинником, но по своему происхождению он уступал Цинь Хун, и это тоже подталкивало его выложить целую сотню.

Спровадив визитеров, Тан Цзин подозвал дочерей и строго посмотрел на них:

— Доченька Хун!

— Папа!

— Ты теперь будешь во всём слушаться?

— Папа, я буду слушаться!

— Хорошо!

Тан Цзин кивнул, преисполненный радости. Послушная дочь радовала его даже больше заработанных денег.

— Доченька Бин!

— Папа!

— А ты слушаешься?

— Папа, я ведь всегда слушаюсь!

— Хорошо!

Тан Цзин кивнул. Глядя на то, как младшая дочка смущенно заливается румянцем, он поверил, что та говорит чистую правду.

Цинь Бин была не только хорошенькой, но и застенчивой, её личико часто розовело, вызывая всеобщее умиление.

Что же касается второй дочери, Цинь Хун, та отличалась толстокожестью, и если бы не недавний испуг, ни за что не стала бы такой шелковой.

Старшая же дочь, Цинь Тянь, раньше росла живой и милой, но после замужества переменилась: замкнулась в себе, сделалась молчаливой и капризной, так что Тан Цзин не слишком жаловал её.

Сейчас в доме царил порядок, дочери прибрались, и во всех трех комнатах чистота сияла как изнутри, так и снаружи. Единственной бедой оставались дыры в крыше, через которые задувал ветер и капала дождевая вода, но теперь, раз появились деньги на новые одеяла, сильный холод им был не страшен.

Вольным крестьянам запрещалось возводить собственные дома. Даже разжившись деньгами, строиться было нельзя — жилье закреплялось за семьей раз и навсегда, а ремонт время от времени проводили специальные люди из клана. У проживающих имелось лишь право пользования, но не право собственности, и если кто-то намеренно портил имущество, с него взыскивали огромный штраф, а не расплатившись, можно было и палок схлопотать.

Иными словами, починить прохудившуюся крышу самостоятельно нельзя, а сменить жилище и вовсе нечего и мечтать — разве что удастся накопить сто тысяч серебряных и получить статус общинника, а до тех пор оставалось лишь терпеть неудобства.

В тот день в полдень Цинь Тянь внезапно вернулась домой. Вся в слезах, она с первого же взгляда производила впечатление человека, глубоко обиженного.

Вообще-то, непослушание дочери сильно его расстраивало, но стоило увидеть её слёзы, как отцовское сердце сжималось от жалости.

— Доченька, что случилось?

— Расскажи папе!

— Папа заступится за тебя!

Тан Цзин мысленно уже засучил рукава, прикидывая, в какую сумму обойдется штраф за избиение обидчика.

Тот старик тоже числился общинником и носил фамилию Цинь, что заставляло Тан Цзина колебаться — после драки улаживать последствия окажется слишком хлопотно.

Пока он раздумывал над дилеммой, объявился и сам старик.

— Дорогой зять!

Старик расплылся в улыбке, держа в руках подарки и демонстрируя всем своим видом крайнюю почтительность.

— Проваливай!

Тан Цзин сдержался. Нынче ему никак нельзя было ввязываться в неприятности, так что он просто швырнул старику его десять серебряных обратно, решив пока записать этот убыток на свой счет.

— Хе-хе!

Получив монеты назад, старик довольно заулыбался: даром пожил с девчонкой какое-то время, уже неплохо!

Старик оказался человеком небыстрым на обиды и сразу же удалился, прихватив с собой и

гостинцы.

В этом мире слабые обязаны терпеть, а слепой импульсивностью ничего не решишь. В свои тридцать лет Тан Цзин, даже кипя от гнева и жажды кого-нибудь избить или прикончить, умел держать себя в руках. Он верил, что пройдет совсем немного времени, и он сможет открыто и законно разобратся со всей этой мерзостью.

С возвращением Цинь Тянь в доме прибавилось еще три рта, так что Тан Цзин взялся за дело с удвоенным усердием — он буквально прочесал все окрестные горы и за месяц добыл еще больше сотни серебряных.

С такими деньгами обычные расходы были обеспечены на несколько лет вперед, и Тан Цзин решил передохнуть, отложив дальнейшие планы на посленовогодние дни.

В то утро в доме появился необычный гость — молодая девушка.

Е Дуо!

Необыкновенно красивая семнадцатилетняя девушка, которая еще ни разу не была замужем.

Правда, слава за ней тянулась дурная: все молодые люди, с которыми она прежде заводила знакомство, при загадочных обстоятельствах погибали, и в конце концов свататься к ней перестали вовсе.

Заметив, что жизнь в доме Тан Цзина налаживается, она сама сделала шаг навстречу, преследуя вполне определенные цели.

— Дядя Цзин!

Е Дуо с улыбкой посмотрела на Тан Цзина и, ничуть не смущаясь его тридцатилетнего возраста, в упор разглядывала мужчину.

— Ты чего это?

Тан Цзин чувствовал себя не в своей тарелке. Красавцем он отнюдь не числился, верно ведь?

Чертами лица Тан Цзин вышел самыми заурядными, и никакой особой притягательности в нем не наблюдалось. Если бы не красота Цинь Хунлань, еще вопрос, какими уродились бы его дочери.

К счастью, внешностью дочери пошли вовсе не в него, а унаследовали разве что его склонность

к лени — целыми днями только и делали, что слонялись без дела.

— Дядя Цзин, я подумала, что в вашем хозяйстве не помешала бы помощь, а вашей дочери тяжело одной управляться с двумя детьми, — Е Дуо нашла вполне благовидный предлог, чтобы остаться.

И пусть она столь открыто навязывалась, что со стороны выглядело бесстыдством, но при хорошем положении дел у Тан Цзина, стоило слухам разойтись шире, от желающих прибиться к его дому отбоя бы не было.

Еда!

Человек живет отнюдь не ради одной еды, но сколько людей из-за куска хлеба продавали собственных детей и унижались перед каждым встречным.

— Раз вызвалась помочь, премного благодарен, — без колебаний согласился Тан Цзин. Е Дуо отличалась трудолюбием и красотой, а дурная слава его нисколько не волновала.

Беда Е Дуо преследовала лишь тех парней, с которыми она заводила любовные романы. Иными словами, оставаясь здесь, она не представляла никакой угрозы ни для Цинь Тянь, ни для остальных.

Стоило Тан Цзину дать добро, как Е Дуо тут же принялась за работу: сначала собрала и перестирала одежду, затем навела порядок в доме, а после принялась за стряпню.

С её появлением Цинь Хун и Цинь Бин пришли в полный восторг. Сестрицы, избавившись от домашних хлопот, с веселым хохотом носились по двору.

В силу юного возраста они отличались беззаботностью: стоило Цинь Хунлань исчезнуть, те поплакали немного, зато теперь веселились вовсю, словно напрочь забыв о любых заботах.

<http://bllate.org/book/19302/1889165>